

Каразин Николай Николаевич

В камышах

Повесть

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Николаевич К.**
В камышах: Повесть / Каразин Николай Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 238 с.

ISBN 978-5-519-88189-0

Продолжение романа "Двуногий волк"

ISBN 978-5-519-88189-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Семейство „Старого пушқара“.

Волосы на головѣ его были коротко острижены, усы — длинные, совѣтъмъ сѣдые; брови, тоже почти бѣлыя, нависли надъ глазами и придавали смуглому, изборожденному морщинами лицу суровый, нѣсколько даже сердитый видъ. Онъ былъ высокъ и сухощавъ, походку имѣлъ тяжелую и уже далеко не такую твердую, какъ въ прежніе годы... Онъ подошелъ къ окну, протеръ рукавомъ нанотѣвшія стекла, поправилъ въ зубахъ коротенькую трубочку, такъ-называемую «носогрѣйку», и произнесъ:—Гм!... подмораживаетъ къ ночи.

— Что значить—дѣло къ зимѣ становится! какіе дни короткіе стали: не успѣли обернуться — наось — уже ночь! произнесла полная, пожилая женщина, накрывая столъ красною камчатною салфеткою. — Петра Михайловича будемъ ждать къ чаю или пѣть?

— Еще бы, маменька, что это вы?! раздался молодой женскій голосъ изъ сосѣдней комнаты. — Человѣкъ пазябся, проголодался, вотъ уже второй день какъ на охотѣ; обѣщаль быть непременно сегодня къ вечеру... а вы — не ждать...

— Ну-ну, подождемъ. Ишь ты какъ!

Старикъ подмигнулъ глазами за перегородку. Пожилая женщина вздохнула и полѣзла въ шкафикъ за посудой.

— Огонь пора зажигать, а то перебьешь все въ потьмахъ-то. Федорычъ, черни-ко спичкою.

— Ромку-бы къ чаю не мѣшало... Оно съ холоду-то первый сортъ, заявилъ старикъ, зажигая спичку и прикрывъ ее ладонью. Онъ лукаво прищурилъ свой подслѣповатый глазъ и прищелкнулъ пальцемъ по воротнику своего затасканнаго форменнаго сюртука.

— У маркитанта — ромъ вонъ по два съ полтиною бутылка сталь; не по карману покупать-то!

— Можетъ прежняго осталось, что изъ Ташкента стрѣлки намъ къ именинамъ прислали?

— Эвось когда хватился!

— Есть, маменька, есть; я сама видѣла вишу, въ поставцѣ, немного, а есть, — заявилъ голосъ за перетородкою.

— Да ты-то что? вдругъ вспыхнула маменька. — Для своего Петра Михайловича все откопаешь — послѣднюю рубашку...

— Онъ такой-же мой какъ и вашъ! обидѣлась дочка.

— Какъ и вашъ! ворчала маменька — и сердито, съ нескрываеомой досадою, поставила на столъ подносъ съ чашками, такъ что на немъ запрыгала и зазвенѣла разнокалиберная чайная посуда.

— Расходилась старуха! засмѣялся усатый старикъ и сталъ бережно перелистывать пожелтѣлыя страницы ветхаго календаря, чуть-ли не тридцатыхъ годовъ, отыскивая себѣ для чтенія что-нибудь поинтереснѣе.

— Да что, право, въ самомъ дѣлѣ! тоже жалованье получаетъ неменьше нашего... могъ-бы когда-нибудь... ну хоть-бы что по хозяйству...

— Онъ-же таскаетъ къ намъ всякой дичи; мало что-ли? Вотъ на прошлой недѣли кабана привезли... вчера вотъ прислали...

— Еще бы недоставало этого! Неужелп-же намъ эту дрянъ, прости Господи, покупать, когда свой охотникъ...

— То-то вотъ, маменька! теперь вы сами говорите — свой.

— А то нѣтъ? я не къ тому, чтобы какъ понимаю иначе..

— Ну-ну, завярайся!... предостерегъ старикъ.

— Да какъ-же—сами знаете: если не на охотѣ, гдѣ Петръ Михайловичъ? у насъ,—гдѣ обѣдаетъ? у насъ,—чай пьеть? опять-же у насъ,—развѣ не почуветь... Да и то развѣ, вонъ на томъ диванѣ... Казначейша приходила—видѣла... просто страмъ!... что могутъ подумать! Ужъ и такъ пошли толки.

— А ты, матушка, не слушай, что говорятъ...

— И рада бы не слушать... да не затыкать-же себѣ уши пальцами! Пойдетъ слава не хорошая. Другой-бы радъ какъ слѣдуетъ подъ вѣнецъ—да послушаетъ и раздумаетъ...

— Эхъ, надоѣла ты мнѣ!.. Ну что ты мелешь?... Кто насъ знаетъ, тотъ худо не подумаетъ,—а кто не знаетъ, до тѣхъ мнѣ и дѣла нѣтъ... Наташа у насъ дѣвушка рабочая—добрал... да по нашему положенію ей отъ хорошихъ жениховъ отбою не будетъ! Да къ тому-же, я такъ полагаю, старикъ понизилъ голосъ,—она уже себѣ намѣтила... Чтожъ! я не прочь... онъ мнѣ тоже по душѣ.

— Добра не выдали! хороши женихъ!... ни за собою, ни передъ собою—а въ чинѣ-то и не говори, чуть-чуть отъ солдатъ отошелъ. Нѣтъ, ей нужно не такого.

— Какого-же?

— Да ужъ я не знаю какого... а кое-что другое знаю.

— Что-же такое?

Старикъ заложилъ пальцемъ то мѣсто въ книгѣ, на которомъ остановился,—и пытливо посматрѣлъ на свою жену.

— Шубу кунью показывалъ,—серебра на двадцать четыре персоны, свой экипажъ, да еще два, говорила маменька, равнодушно перетирая чашки,—«жениться, говоритъ, собираюсь... уже и невѣсту себѣ подыскалъ, да не знаю какъ къ дѣлу приступить»... Самъ говорить, а на меня такъ по-

нѣтливо смотритъ—что я сразу вижу къ чему рѣчь идетъ...

— Понимаю я самъ, про кого ты говоришь. Ну, дальше.

— А я ему говорю: «чтожь, дѣйствуйте смѣлѣ. Вамъ и полагаю, отказа не будетъ: вы въ такомъ чинѣ и при мѣстѣ».

— Да, въ маіоры произвели... задумчиво произнесъ старикъ,—везетъ-же людямъ счастье!...

— «Вы, говорю, знакомы съ вашею, что намѣтили?» — «Знакомъ, говоритъ, — два раза былъ»... Помнишь, онъ у насъ на Святой былъ съ визитомъ, а потомъ на прошлой недѣлѣ заѣзжалъ, еще обѣдать у насъ остался.

— Ну, помню...

— «Зайдите еще разъ, говорю, пріймутъ васъ ласково... а вы подарочекъ хорошій приготовьте»...

— Ну, это ты напрасно...

Во время этого діалога, въ дверяхъ перегородки показалась высокая, стройная дѣвушка въ сѣромъ ситцевомъ платьѣ и стала, не спуская глазъ съ своей маменьки.

— Ну, будетъ схватка!... пробормоталъ старикъ и поспѣшилъ углубиться въ чтеніе...

— Ужь очень вы, маменька, пычке пакки на подарки стали! произнесла дѣвушка. — На чужихъ въ претензіи, что меня словомъ порочать, а сами хуже другихъ...

— Молчи, Паташа, молчи!

— Что молчать, я знаю что говорю.

— То-то и есть, что очень много знаешь!

— Маменька!

— Я какъ разсержусь—себя не помню.

— Ну, да ты и заправду дурить начинаешь, приподнялся старикъ со стула.

— А тебѣ-то что? напустилась теперь уже на него вспылившая маменька.

— Ничего!... старикъ снова медленно опустился на стулъ и началъ перелистывать книгу.

Дѣвушка прошла быстро черезъ комнату и вышла въ сѣни. Она накинула на голову большой чернѣй платокъ и оперлась на перила высокаго крыльца. Она пристально начала всматриваться въ темноту и прислушиваться.

На дворѣ было совсѣмъ темно; окошки чиназскихъ домиковъ рисовались яркими четырехугольниками. Вдали стояло красное зарево отъ костровъ на солдатскихъ кухняхъ, расположенныхъ на берегу рѣки; на этомъ пожарномъ фонѣ виднѣлись темные углы крѣпостныхъ стѣнъ и прямая черточка сигнальной мачты. Съ туземнаго базара доносились крики, пьяные голоса, пѣсни и звуки какого-то стариннаго инструмента. Два полупьяныхъ матроса и между ними солдатъ линеецъ — шли самою серединою улицы, шлепая по густой грязи своими сапогами, и во все горло орали какую-то пѣсню; темная фигура верховаго прошмыгнула мимо самого крыльца, проскрипѣли высокія колеса туземной арбы... У самыхъ воротъ, подъ навѣсомъ, деньщикъ-солдатъ ставилъ самоваръ: слышно было усиленное пыхтѣніе; вздутыя щеки и щетиныстые усы ярко освѣщались изъ жерла самоварной трубы, всякій разъ, когда деньщикъ нагибался и дулъ во всю силу своихъ богатырскихъ легкихъ; красныя искры летѣли во все стороны и шипя гасли, падая на мокрую землю.

— Петя, ты?... тихо произнесла Наташа и почувствовала, что кровь прихлынула къ ея лицу.

— Федотъ да не тотъ, засмѣялся какой-то пѣшеходъ, поровнявшись съ крыльцомъ.

— Извините, произнесла дѣвушка смущеннымъ тономъ.

— Ничего-съ.

Пѣшеходъ пошелъ дальше, придерживаясь поближе къ стѣнкамъ заборовъ, гдѣ было посуше.

Далеко, за тою бѣлою полосой тумана, что стояла надъ Сыръ-Дарьею, чуть слышались неясные крики.

— Чу! перевозу требуютъ, приподнялъ голову солдатъ, ставившій самоваръ.

— То должно быть наши, Никита? спросила его дѣвушка, нагнувшись черезъ перила.

— Нашимъ бы не должно быть: хотѣли на «Чирчикъ» охотиться; развѣ гдѣ выше на тотъ берегъ перебрались...

— Вотъ уже второй день... начала дѣвушка.

— Приѣдутъ!... утѣшилъ ее солдатъ. — Гляди, барышня, какихъ тебѣ поросятъ навезутъ; а можетъ, гляди тигра ухлопаютъ!

Наташѣ стало холодно; она передернула плечиками подъ своимъ платкомъ, зѣвнула и вошла въ комнату.

— Ну, дождалась?... спросила мать. — Ишь, зубъ на зубъ не попадаетъ. Пей чай!

— Холодно! лаконически отвѣчала Наташа, сѣла поближе къ отцу, въ темномъ уголкѣ, и задумалась.

Медленно взглянулъ на нее старикъ, медленно поднялъ худошавую руку и ласково, мягко погладилъ по головѣ свою дочку.

Въ сосѣдней комнатѣ захрипѣли часы и приготовились бить; подъ диваномъ заворошилась старая собака, громко зѣвнула и вылѣзла, потягиваясь и махая облѣзлымъ хвостомъ. Всѣ притихли.

II.

Въ камышахъ.

Нѣсколько хохлатыхъ утокъ съ шумомъ снялись съ мутной пѣнистой поверхности воды, и хлопая крыльями понеслись наискось черезъ отмели, къ камышамъ противоположнаго берега. Эти птицы до сихъ поръ спокойно плавали и ныряли въ густыхъ заросляхъ—и вдругъ испутивъ тревожный, испуганный крикъ, быстро поднялись на воздухъ; высокіе, пожелтѣлые стебли камыша медленно колебались, потревоженные этимъ стремительнымъ полетомъ. По мѣрѣ того какъ успокоивалось движеніе камыша въ этомъ мѣстѣ,—въ другомъ, нѣсколько подальше, такое-же движеніе замѣтно усиливалось и усиливалось. Повременамъ слышался какой-то странный всплескъ и шелестъ и даже усиленное дыханіе чего-то живаго. Высокія метелки волновались, раздвигаясь и уступая дорогу какому-то нывущему тѣлу. Этотъ-то странный шумъ и избудоражилъ такъ мирное утиное общество, побезпокоивъ кетати и ту длинноногую цаплю, что до сихъ поръ стояла на одной ногѣ, спрятавъ подъ перепальное крыло свою носатую голову.

Вонъ между пушистыми метелками камыша мелькнулъ красный верхъ лисьей шапки, блеснули стволы ружья, — показался верблюжій кафтанъ другаго пловца, за нимъ желтѣлый дубленный, русскій полушубокъ третьяго. Пловцы медленно подвигались впередъ, протискиваясь сквозь чащу и упираясь въ дно длинными жердями. Невозможно было разобратъ сразу, на какомъ это суднѣ они совершаютъ свое путешествіе — и путешествіе должно быть весьма трудное, судя по тому, что они, обливаясь потомъ, съ трудомъ пере-

вода дыханіе, поминутно подбодрили др дугъруга разнообразными междометіями, возбуждая остывшую энергію.

— Ну еще надай! ну еще!... говорилъ дубленый тулунъ.

— Правую сторону береги, тамъ засядемъ!... крихтѣла лисья шапка, упираясь всею грудью на жердь и покраснѣвъ до ушей отъ страшнаго усилья.

— Стой, завязли! отчаявался опять дубленый тулунъ.

— погоди, говорилъ нерусскимъ акцентомъ верблюжій халатъ. — Переползай всё сюда, передъ и поднимется... Не съ разу — опрокинете!... Легче!... Ну, напирай!...

— Тронулся!...

— Идетъ, идетъ!...

— Фу ты, иида въ жаръ кинуло, чуть не подмочилъ патронташъ! «Діанка», сиди смирно, капаля!

— Еще два три удара — на просторъ выберемся. Вонъ виднѣется открытая вода.

— Упрись вонъ въ ту кочку. Такъ!

— Еще хорошо, что намъ теченье помогаетъ! а если-бы напротивъ — низачто не выбратъся бы изъ этой проклятой чащи.

— Да ну, «Кадо», не вертись, дывомъ тебя побери! чуть не полетѣлъ изъ-за него...

Собака, которой дали порядочнаго пинка, завизжала.

— Не надо шайтана поминать, внушительно замѣтилъ верблюжій халатъ. — Мѣсто нехорошее; ты вонъ сказалъ, а онъ можетъ быть подъ нами сидитъ въ тинѣ...

— Это онъ можетъ и задерживаетъ нашъ плотъ рогами? засмѣялась лисья шапка. — Чего добраго!

— Не надо... оставь...

— Зажги-ко спичку: сигара потухла.

На просторъ широкой Сыръ-Дарьи, изъ густо-заросшаго безымяннаго притока выбрался небольшой плотъ. Плотъ этотъ былъ кое-какъ связанъ изъ сноповъ камыша, сплоченныхъ

попарно; онъ довольно устойчиво держался на водѣ, хотя почти все время кружился, уступая всѣмъ капризамъ прихотливаго теченія.

Подобныя плоты въ большомъ употребленіи между прибрежными жителями, ихъ обыкновенно называютъ «саллы». Коль скоро какой нибудь туземецъ найдетъ возможность сбыть кое-что изъ своего хозяйства на чиназскомъ базарѣ, онъ связываетъ десятка два камышевыхъ сноповъ, покрываетъ ихъ соломой, складываетъ на эту солому свой товаръ, садится самъ сверху и, совершивъ напутственный намазъ (молитву), смѣло пускается внизъ по рѣкѣ, довѣряясь теченію. Случается, что такихъ «саллы» собирается разомъ десятка три и больше — и странно бываетъ смотрѣть на эту оригинальную флотилію, медленно подвигающуюся между пустынными, густо заросшими берегами. Дикое, заунывное пѣніе стелется надъ волнами; пугливо хрюкають свиньи въ камышахъ, завидѣвъ плывущихъ; глухо рычитъ тигръ, припавъ между кочками и косясь на пловцовъ своими злыми полузакрытыми глазами; большими concentрическими кругами расходятся на поверхности рыбы всплески — и пронзительно металлически кричатъ въ воздухѣ бѣлыя чайки, то спускаясь къ самой водѣ, то разомъ взлетая на страшную высоту, гдѣ ихъ болѣе ярко сверкающее брюшко совершенно исчезаетъ изъ глазъ пловца, глядящаго изъ подъ своего косматого малахая (родъ шапки).

На нашемъ «саллы» сидѣло, какъ я уже сказалъ, три человѣка: двое русскихъ и одинъ туземецъ. По ихъ костюмамъ, по оружію и прочимъ принадлежностямъ, наконецъ по собакамъ, — которыя, вѣроятно привыкши къ подобнымъ плаваніямъ, спокойно наблюдали своими умными глазами водную поверхность, — можно было догадаться, что промыселъ этихъ людей главнымъ образомъ — охота.

Едва только плотъ вытянулся на открытое мѣсто, какъ

его тотчасъ же подхватило среднимъ теченіемъ «Дарьи». Вся эта спутанная, безобразная масса камыша быстро закружилась и понеслась къ отмелямъ. Было очень глубоко, и шесты не доставали илистаго дна рѣки. Пробовали грести какъ веслами, — справились было — и снова уступили вращающей силѣ теченія. Собаки завывали, пловцы крѣпко держались за выдающіеся снопы.

Охотникъ въ лисьей шапкѣ зорко приглядывался къ пѣнистой чертѣ береговаго прибоя.

— Я говорилъ, произнесъ онъ, — надо было выше выбираться; теперь насъ вереть за десять снесетъ. Потомъ опять какой крюкъ придется сдѣлать, чтобъ снова на «Тузь-куль» выбраться!

— Хорошо, колибъ снесло подальше, а то...

— Что?...

— Смотри впередъ: на отмели прямо!...

— А ну, пробуй: досталъ дна?

— Есть.

— Держи, упрись!...

Плотъ дрогнулъ и закачался на одномъ мѣстѣ. Вертячая Діанка свалилась въ воду, завизжала и принялась карабкаться; верблюжій халатъ перегнулся и поймалъ собаку за ошейникъ, та излѣзла и начала отряхиваться, обдавая всѣхъ мелкими брызгами. Послышался трескъ. Шестъ, которымъ упирался въ дно одинъ изъ охотниковъ, не выдержалъ напора и переломился. Весь плотъ словно подкинуло кверху, онъ скакнулъ впередъ, уперся «головною» въ песчаный наносъ и запрыгалъ на мѣстѣ, разрываемый напоромъ теченія.

— Ссаживай, ссаживай!... крикнули разомъ три голоса.

Почти въ одно мгновеніе, всѣ были въ водѣ, забросивъ ружья за спину. Собаки принялись усиленно выть, поднявъ кверху морды. едва держась на сильно колыхающемся плоту.